

В воздухе царил тишина. Солнце уже скрылось за горизонтом, позволяя сумеркам окутать небо. Бесчисленные разноцветные фонари, свисавшие с потолка, загорелись, освещая разодетых в роскошные наряды чиновников, которые хоть и не вмешивались в дела других, но всё же несколько изменились в лице.

После слов Фэн Мина в большом зале тунского дворца, что вмещал в себя три ряда сидевших на циновках господ, окружённых любимыми служанками и очаровательными наложницами, которые прислуживали своим хозяевам, всё смолкло, как по уговору. Какая-то странная атмосфера накрыла собою пространство, наполняя непредсказуемым ожиданием.

Более того, закрадывались сомнения, ведь благодаря словам молодого господина рода Сяо чиновники понимали, а теперь и представляли, каким образом был сброшен с престола силэйский главнокомандующий Жун Тянь. В Поднебесной наибольшую ценность представляла императорская власть, а подобные темы всегда являлись крайне опасными с точки зрения политики, которые без крайних обстоятельств и условной подготовки запрещено было затрагивать с такой опрометчивостью.

Таким образом, банкет, изначально задуманный как самый обычный, весьма вероятно, мог превратиться в историческое заседание, где затрагивались дела другой страны!

И, поистине, Су Цзиньчао, словно готовый к атаке лев, вернулся на опустевшую середину зала, тщательно смерив взглядом Его Светлость, и с презрительной усмешкой вопросительно вернул:

— Вы только что спросили: действительно ли указ Жун Тяня «О равной милости» приравнивается к предательству?

Фэн Мин понимал: большинство присутствующих — знать, а в подобных обстоятельствах совершенно нельзя было проигрывать, потому князь в спокойном ожидании почти так же, как Су Цзиньчао, улыбнулся и потом только крайне вежливо поинтересовался:

— Что в этом такого смешного?

— Не смешно, а забавно. — И, убрав с лица улыбку, Су Цзиньчао обвёл взглядом сидящих вокруг почётных гостей, уверенно говоря: — В конце концов, о том, что из себя представляет указ «О равной милости», почти наверняка каждый из вас хоть немного, но наслышан. — После прозвучавшего вопроса большинство присутствующих слегка кивнули.

И неудивительно, ведь после допроса Тун Цзяньмина Жун Тянь дал ясно понять, что не откажется от затеи внедрить указ «О равной милости», более того, даже приказал переписать данный указ множество раз и развесить по всем государствам. Даже в переулках[1] страны Ли можно было обнаружить непрерывный «след» указа «О равной милости», что тогда говорить про соседний к границам Силэй Тун? Какая знать прошла бы мимо подобной молвы, затрагивающей государственные тайны, где содержалось уму непостижимое желание?

Среди них, возможно, лишь живший в другом, находящемся за морем, государстве Хэ Ди совершенно не понимал, о чём идёт речь, и, незаметно подозвав к себе Кун Лю, выслушал своего подчинённого, который ввёл в курс данного дела, при этом в глубине глаз сверкнул блеск, а сам принц с улыбкой на лице спокойно наблюдал за дальнейшим развитием событий.

На самом деле огромная радость охватила Су Цзиньчао, стоило князю Мину задать вопрос. Ведь такой шанс выпал не часто.

После громкого смеха, который ознаменовал будущую победу и обратил внимание всех собравшихся, охваченный как радостью, так и боевым настроем Су Цзиньчао, прочистив горло, честно добавил:

— С начала основания моего Силэй прежние правители приняли закон о передаче титула и систему отбора знати по родословной, таким образом из поколения в поколение возникали достойные государственные мужи и отважные полководцы. А указ «О равной милости» не считается с благородным происхождением и известными родами[2] крупных чиновников, а создаёт такой отбор, где даже позволено будет простолюдинам сдавать экзамены вместе со знатью на пост новых чиновников. Все присутствующие — начитанные и умные люди[3] прошу, подумайте, кто станет терпеть подобный указ? — Последняя фраза была наполнена горьким сожалением и заслуживала похвалы.

На самом деле неизвестно, сколько раз силэйские чиновники обсуждали дело о равной милости. Чтобы доказать законность наследования престола и укрепить своё положение, а также закрепить за собой императорскую власть, Тун-эр через каждые несколько дней собирал весь императорский двор в зале заседаний и поднимал вопрос о равной милости, тем самым позволяя всем сановникам браниться на чём свет стоит, оспаривая данный указ, для того чтобы постепенно ослабить политическое влияние Жун Тяня в Силэй.

Су Цзиньчао, соответствуя своему любимому Жун Туну, само собой разумеется, также следовал его примеру — разразился безжалостной бранью. Сам молодой фуши, можно сказать, оттачивал мастерство, как угодно обливая грязью указ «О равной милости»; словно во время экзамена «напоровшись» на до боли знакомую тему, он, конечно же, как бы между прочим, с лёгкостью брал её в щепоть[4].

— Так называемый указ «О равной милости», обсуждаемый со всех сторон, содержит в себе предписание: права и состояние, которыми должным образом наслаждалась знать, отдаются простолюдинам, позволяя последним отнять вещи, принадлежащие благородному роду. Императоры Силэй, страны, основанной сто лет назад, издавна и по сей день наделяли благородный род весомой благосклонностью, потому знатные семьи были непоколебимо преданы царствующему дому, и, благодаря искреннему сплочению между императорским двором и знатью, Силэй существует до сих пор. А сейчас мудрый Жун Тянь выжил из ума и, сидя в стенах императорского дворца, с одной стороны, пользовался услугами преданных сановников, а с другой — кто бы мог подумать — начал строить планы, чтобы выгнать преданных ему людей за пределы дворца, позволяя простолюдинам занять высокое положение в зале заседаний. Если бы наш нынешний государь Жун Тун не узнал об этом коварном замысле, то, боюсь, мой Силэй сейчас уже перевернулся бы с ног на голову и сложно было бы определить, где высшие, а где низшие ранги, — отчётливо произнеся последнюю фразу, Су Цзиньчао изменился в лице — улыбка померкла, морщинки и складки расправились, возвратив лицу первоначальный строгий вид. Фуши встал перед столиком князя и, глядя сверху вниз, немедля поставил Фэн Мина в затруднительное положение: — Данным предписанием можно расшатать устои Силэй, нанеся вред как императорскому, так и многочисленным знатым родам, и, вполне возможно, разделить мою страну на мелкие осколки. Так позвольте спросить молодого господина рода Сяо: тот, кто планирует обнародовать данное предписание, неужели всё ещё не считается предателем Силэй?

Фактически, его слова многие из присутствующих одобряли. Ведь большая часть гостей относилась к благородной крови, с рождения пользуясь благами и роскошью, считая себя выше всех и служа в чиновничьем чине, являвшимся для них закономерностью, и никогда не печалилась по поводу еды, потому кому в здравом уме хотелось, чтобы их государь объявил такой чинящий препятствия и не позволяющий жить в достатке императорский указ?

Фэн Мин, с того момента как принял бой от молодого фуши, который стал немедля поносить указ Жун Тяня «О равной милости», вернулся на своё место и, притворившись послушным учеником, спокойно наблюдал за красноречивым выступлением Су Цзиньчао.

Когда Су Цзиньчао подошёл и с угрожающим видом обратился к нему, князь парировал:

— Позвольте спросить, — подняв голову, он, хлопая глазами, спустя долгое время спокойно поинтересовался, — Су-фуши считает, что жизнь от рождения делится на ранги и звания[5], а также уважение и презрение, верно?

— Конечно.

— Позвольте спросить, что называется «благородством», а что «дешевизной» и «ничтожеством»?

Су Цзиньчао, не принимая всерьёз вопрос Его Светлости, со смехом сказал:

— Благородный человек тот, кто, конечно, рождён в правящем роду, знатные семьи ему уступают, а низший ранг — простолюдины, которые, естественно, безнравственные рабы.

Сидящий позади Его Светлости Цзы Янь, слыша ответ фуши, в душе кипел от злости, так как являлся выходцем из простолюдинов и с малых лет, будучи призванным, вступил в армию для несения воинской повинности, и, что касается самой горькой жизни и вкушения наихудшей пищи, молодой генерал хлебнул этого вдоволь от безжалостной знати. Также служба в армии Силэй, простолюдин, несмотря на множество боевых заслуг и храбрых сражений, только и мог, что оставаться в низшем ранге рядового солдата, ежедневно подвергаясь притеснениям со стороны командира и наказанию плетью независимо от того, виновен он был или нет. А отпрыски знати, несмотря на боязнь смерти и сражений, как только вступали в армию, немедля получали средний ранг командования, но при встрече с противником тотчас же покидали поле боя, однако всегда в лагере вели себя высокомерно и своевольно, истязая простых рядовых солдат.

И если бы Жун Тянь не обратил на него внимание, после чего отобрав его из всех солдат и лично обучив военному мастерству, то, вероятно, сейчас молодой генерал по-прежнему подвергался бы порке и унижениям со стороны какого-нибудь сволочного[6] отпрыска.

А этот самодовольный[7], несущий чушь тип всё понимал — он, избалованный отпрыск знати, говорил при нём, Цзы Яне, что простолюдины — безнравственные рабы! Проклятое создание!

Однако, несмотря на охватившую душу злость, Цзы Янь с детства обладал сдержанностью и совершенно не проявлял гнева; подняв взгляд и посмотрев на Су Цзиньчао, стоящего с самодовольным видом перед князем Мином, молодой мужчина незаметно для всех лишь крепко стискивал, а потом отпускал, чтобы вновь стиснуть, рукоять меча.

Обладавший превосходным зрением Хэ Ди, казалось, с безразличием заигрывал с рядом сидящей красавицей-служанкой, но на самом деле любое движение, даже самый лёгкий жест Цзы Яня, даньлинский принц не упускал из виду.

— Но я так не считаю, — всё тем же мягким тоном с улыбкой добавил Фэн Мин. — Я думаю, каждый человек является жизнью. Небеса отдали всю духовную силу для её возрождения, и рождается человек в равенстве, не делясь на благородных и низших. — Сорвавшиеся с губ слова заставили весь зал зашуметь, оспаривая данное мнение.

«Человек не делился на какие-либо сословия и рождался в равенстве» — эта фраза в современном мире была обычной, и какой угодно ученик мог понять её без особого труда. Однако в строго сословной древности её можно было расценивать как неслыханное высказывание.

Цзы Янь презирал в каждом слове ругающего простолюдинов Су Цзиньчао, но когда Фэн Мин, внезапно разомкнув губы, сказал эти две фразы, словно кто-то нежно погладил тёплыми руками сердце, а после мгновенного изумления, вопреки ожиданиям, глаза слегка обдало жаром от слёз.

Князь, не обращая внимания на поднявшийся вокруг шум, продолжил дальше медленно вразумлять:

— У новорождённого младенца взгляд очищен от мути, словно белый лист, и ребенок имеет неограниченные возможности для развития, потому как можно, опираясь лишь на его происхождение, утверждать, к какому рангу он относится?

Явно чувствуя, что доводы Фэн Мина крайне забавные, Су Цзиньчао с нежеланием понимать всей сути взглянул на князя:

— Как нельзя утверждать? Рождённый в благородной семье непременно получает образование, достойное знати, а повзрослев, отличается высокой нравственностью и верной благоразумностью. Если же рождённый — простолюдин, то с детства воспитывается в безнравственных и недостойных условиях жизни, не разбирается в «Шицзин» и «Шуцзин»[8], а повзрослев, он только и умеет, что делать всё грубо и неотёсанно.

— А если отпрыска знати с рождения случайно похитят, и он, скитаясь, попадёт к простолюдинам, каким он вырастет? Будет ли обладать верной благоразумностью или же станет неотёсанным невежей?

Су Цзиньчао, не предугадав, что Его Светлость так скоро отреагирует, внезапно обомлел. Ведь он, занимающий должность официального силэйского фуши, постоянно опирающийся на собственное происхождение, да к тому же являясь приятелем нынешнего силэйского государя, по правде говоря, совершенно не являлся мастером вести всяческие дискуссии, а что касалось множества брани в сторону указа «О равной милости», то всё было заучено, конечно, не без помощи силэйских чиновников, что в зале заседаний без умолку повторяли одно и то же, словно попугаи, потому сейчас, вступив в бой с Его Светлостью, молодому человеку существенно не хватало сообразительности.

Сам князь являлся как раз противоположностью молодому человеку. Именно по отношению к Фэн Мину можно было применить идиому «не отведав свинину, видел, как бегают свиньи[9]». Сохранив душевную простоту, Фэн Мин всё же когда-то повстречал на своём пути Бо Лина, третью принцессу, Лу Даня, компанию старых ведьм-цзиши, да что уж там, он даже с Жо Янем дело имел. Следовательно, разве мог Су Цзиньчао сравниться с этими безжалостными людьми?

— А если человек, родившийся в семье простолюдинов, неизвестно по какой причине попадёт в знатную семью и будет там воспитываться, то, повзрослев, каким он станет? — вновь спросил Фэн Мин.

Оттенок лица Су Цзиньчао поменялся, враз став сине-пурпурным:

— Это... само собой разумеется...

— Что «само собой разумеется»?

Понимая, что дело приобретает скверный характер, Хэ Юаньцзян тихо вздохнул. Изначально мужчина не собирался вмешиваться в это дело, но, будучи официальным послом Силэй, не мог оставаться безучастным в тот момент, когда его помощник, оказавшись в затруднительном положении, был опозорен перед знатью совершенно другой страны.

— Молодой господин Сяо, — пока Су Цзиньчао пребывал в нерешительности, Хэ Юаньцзян, сидя на своей циновке, кашлянул: — Вы сейчас озвучили два разных, но ненормальных примера, которые нельзя сравнивать с общим благородством и худородством. Этот посол, наоборот, считает, что вопрос молодого господина рода Сяо вовсе не объясняет выдвинутую Вами точку зрения. Существует мирской порядок: высшие и низшие ранги на роду написаны, поэтому Небеса дают императорскому роду править знатью, а знати — простым народом. Как можно без рангов заполучить все нынешние блага?

На подобный выпад Фэн Мин незаметно для всех онемел. Есть идиома: «старый имбирь всё же острее[10]», которую можно было как раз применить к этому на вид уставшему старику, чьё лицо выглядело глупо, однако слова, сказанные им, пустили кровь с первого укола[11] и являлись крайне потрясающими в сравнении с тем, что нёс его помощник, невыносимый негодяй Су Цзиньчао.

Фэн Мин понимал, что его точка зрения будет расходиться с мнением присутствующих и спорить с ними будет крайне непросто. Ничего не поделать, ведь он, князь, в конце концов, не являлся ни Су Цинем[12], ни Чжан И[13], ни им подобным, ему просто хотелось как следует одурачить Су Цзиньчао. Однако кто бы мог подумать, что в их спор вынужденно вклинится официальный силэйский посол...

Увы, при таких обстоятельствах отступление являлось не выходом, наоборот, нужно было продолжать, стиснув зубы.

— Ха-ха, — князь засмеялся, запрокинув голову, вводя всех в недоумение, после нескольких мгновений унял смех и с серьёзностью уставился на Хэ Юаньцзяна: — Позвольте спросить официального чжэнши: знать благороднее простолюдинов?

— Верно.

— А императорский род благороднее знати?

— Верно.

— Причина вашего возражения против указа «О равной милости» заключается в том, что равная милость уничтожит ранги, сделав простолюдинов равными знати, правильно?

Хэ Юаньцзян кивнул:

— Правильно.

— Поэтому считаете, что во всём мире следует знать меру между высшим и низшим рангами и нельзя допустить, чтобы эти правила хоть на волос нарушались, верно?

— Верно.

— В таком случае позвольте спросить, официальный чжэнши в сравнении с царствующим

дядюшкой Тун Цин Чжаном, кто из вас занимает высший ранг, а кто — низший? — Внезапно втянув тунского царствующего дядюшку Цин Чжана, Фэн Мин вверг собравшихся в трепет.

Хэ Юаньцзян больше всех широко распахнул глаза. Ведь на этом банкете в стенах тунского дворца от одного неправильного ответа зависели дипломатические отношения обеих стран. К тому же, в свою очередь, нельзя было позволять Силэй потерять лицо.

— Этот... — Он лишь озвучил единственный ответ: — Этот посол[14], как и тунский шу-ван Цин Чжан, является государственным министром, а также знатью, соответственно, пост занимает равноправный.

— М-м, оказывается, это и есть равноправие, — целомудренно посмотрел князь на мужчину. — В таком случае император Тун и император Силэй, кто из них занимает высший ранг, а кто — низший?

Все гости вновь испугались. И не удивительно, ведь сейчас в дискуссию были вовлечены государи двух стран, и последствия этого поступка невозможно было вообразить.

Услышав, что князь упомянул отца-императора, Цин Ли сильно разозлился и уже готов был ударить по столику, однако сидящая рядом с ним красавица Чан И, опасаясь, что принц сорвёт план царствующего дядюшки, спешно обхватила двумя руками ладонь Его Высочества и, кокетливо улыбаясь, ласково проронила:

— Ваше Высочество, усмирите гнев, так или иначе силэйский официальный чжэнши преподаст ему урок, так к чему злиться?

Коснувшись незаметно полной груди, Цин Ли сменил гнев на милость, низким тоном говоря со смехом:

— Милая[15], только ты можешь радовать меня.

Чан Лю, сидящая неподалёку от Его Высочества в окружении своих приближённых служанок, увидела, как эти голубки бесстыдно при всех шушукуются, насмехаясь, от этого почувствовала нарастающую в душе злость, но, как назло, именно в тот момент, когда нельзя было выказывать недовольство.

— Государь Тун и государь нашего Силэй всё же правители и, конечно, самые почитаемые и благородные люди.

— Другими словами, они считаются равноправными?

— Ик... Верно.

— Позвольте спросить официального чжэнши, если они являются равноправными, в таком случае они должны уважать друг друга, верно?

— Конечно, — кашлянув, ответил Хэ Юаньцзян. — Наш силэйский государь до сих пор уважает государя Тун, именно потому направил сюда этого посла.

На что Су Цзиньчао, не выдержав, вставил слово:

— Молодой господин Сяо слишком долго говорит, но так и не высказал ничего значимого. Лишь, наоборот, задаёт скучные вопросы. По-моему, Ваши слова по отношению к высшему и

низшему рангам — полнейшая чушь, — и с холодной усмешкой уставился на князя.

И тут, в самом деле, помимо только что прозвучавшего княжеского «рождается в равенстве», покамест никакой другой содержательной речи, которая смогла бы потрясти всех, не прозвучало.

Мудрость силэйского князя Мина славилась и потрясала мир, и неважно, поддерживали его точку зрения или нет, однако к его персоне все гости дворца относились, словно он мог проявить силу, которой наделили Небеса, и с нетерпением ждали, глядя на довольно интересную сцену, разворачивающуюся на их глазах. Однако до сих пор не прозвучало ничего внятного, а, напротив, создавалось ощущение, что князь тянет время, потому впечатление от Его Светлости неизбежно начало угасать.

Цзы Янь также сосредоточился и, тихо вытянув палец, написал на ладони Жун Ху: «Поможем?», но последний, уставившись на Су Цзиньчао, чей вид буквально призывал к ответу, медленно покачал головой. Телохранитель полагался на знания князя Мина, более того, когда Его Светлость выглядел словно потерял лицо, это означало совершенно обратное — князь собирался победить военной хитростью[16]. В любом случае под тяжестью многочисленных взоров Фэн Мин, по крайней мере, держался превосходно и с достоинством.

— Действительно ли помощник Су хочет услышать мою теорию?

И Су Цзиньчао властно, снова с холодной усмешкой вернул:

— Конечно, и речи быть не может, неужели кто-то из здесь сидящих затыкает рот и запрещает молодому господину Сяо говорить?

— Тогда я смело выскажу собственную точку зрения. — И, обратившись к окружающим гостям, Фэн Мин слегка кивнул.

К стройному телу и полученным манерам, что оттачивались благодаря наставлениям Жун Ху, Цю Лань и двум остальным служанкам, добавлялся характер, развивающийся на протяжении долгих лет нахождения рядом с Жун Тянем, подчёркивавший унаследованные у госпожи Яое красивые скулы, тем самым придавая князю образ прекрасного принца, обладающего изящностью, которая привлекала к себе множество взглядов и вызывала симпатию. Но в ниспосланной Небесами изящности таилась ещё, не присущая императорской знати, скромность в желаниях[17]. Несмотря на миловидную внешность, Его Светлость выглядел действительно серьёзным!

Отношение к князю Мину в сердцах собравшихся гостей из-за такого непринуждённого движения, да ещё ласково-холодного выражения, внезапно слегка изменилось.

— Небеса создавали всё сущее, вовсе не желая его деления на ранги — на благородство и худородство, а уповали, что люди будут жить привольно, пользуясь дарами, ниспосланными небесными духами, и, благодаря собственным талантам, будут счастливо проживать свой век.

Все присутствовавшие обомлели.

Ошибочно предполагая, что силэйский князь Мин, он же молодой господин рода Сяо, которому агрессивно выговаривал силэйский фуши, после длительного терпения воспрявший духом и давая отпор сопернику, по крайней мере должен был начать речь крайне бодро. Однако кто бы мог подумать, что Его Светлость начнёт говорить с чувственной интонацией, присущей поэтам, к тому же на лице его возникла шелковинка чистого восхищения и

признательности.

Застигнутые врасплох зрители, изначально скрывавшие различные мысли и рассчитывавшие поглазеть на хорошее представление, невольно последовали за князем, позволив шелковинке мечтательной улыбки возникнуть в уголках губ, тем самым впитывая слова, навязанные Его Светлостью, который, в свою очередь, начал промывать им мозги.

— Обезьяна и рыба, кто из них знать, а кто — ничтожный? Обезьяна хорошо лазает по горам и диким деревьям, таким образом собирая ягоды и в горах свободно резвясь, у рыбы есть жабры, и она может дышать под водой, потому может плыть по волнам, скитаясь по миру.

— Крестьянин и рядовой солдат, кто из них знать, а кто — ничтожный?

— Крестьянин возделывает землю и сажает зерно, поэтому у государей всех стран, знати и простолюдинов есть еда. Рядовой солдат защищает интересы государства, потому люди могут жить спокойно.

— Действительно ли простолюдины и знать делятся на ранги благородных и низших? — Взгляд князя медленно скользнул по сановникам и знати, что располагались перед ним.

Его, Фэн Мина, иссиня-чёрные омуты глаз не таили в себе даже шелковинки злости и недовольства, более того, князь, словно наивный ребёнок, искал простой и справедливый ответ и всё же тронул сердца собравшихся, вызвав лёгкий трепет.

— Среди знати есть действительно немало талантливых людей, в число которых входят и храбрые командиры, что в состоянии охранять территорию и защищать народ, не позволяя вражеской стране покушаться на родные земли, также существует немало умеющих управлять государством, которые делают так, чтобы государство беспрепятственно развивалось, а судебная система была справедливой, разрешая народные обиды и ссоры. — Разок снисходительно расхвалив знать, Его Светлость переключил внимание на другую сторону медали, звонко спросив: — Что бы случилось, существуй в государстве лишь знать без народа?

В главном зале стало настолько тихо, что можно было услышать звон упавшей иглы.

Даже идиот понимал, что государство без народа представить нельзя.

— Без крестьян некому будет возделывать землю и сеять зерно, тогда знать сразу же умрёт от голода; сможет ли храбрый командир без рядовых солдат устоять против вражеского могучего войска? Без ремесленников откуда возьмётся посуда, в которую можно будет налить вина и положить еды для банкета? Без рыбаков мы не сможем питаться свежей рыбой, без ткачей мы облачимся ли в красивую и удобную одежду?

На неспешные вопросы князя последовал лишь один ответ — тишина. Во взорах большинства отпечаталось недоумение, однако на лицах окружавших господ служанок, в том числе музыкантов и танцовщиц, стоявших на коленях за большими дверями в ожидании, когда их позовут, промелькнула тень одобрения, что являлась не столь очевидной, поскольку все слуги были малодушными и не смели вызвать ярость господ.

Ведь среди слуг было много простолюдинов, и хоть их выбрали, дабы прислуживать благородным господам, при этом жалуют большие награды, да и пища с одеждой у них была куда лучше, чем у простого крестьянина, но былые оскорбления и угнетения мало кто мог забыть.

Спустя долгое молчание стоящий словно кусок дерева посреди зала Су Цзиньчао вспомнил, что хотел сказать в опровержение, и фыркнул с показной силой[18]:

— Вы только что сказали, что простолюдины просто-напросто должны заниматься делами: земледелием, нести службу и прочим ремеслом — так изначально это и являлось их обязанностями, так как же тогда возможно исключить грань между разделением на ранги?

Фэн Мин с чистым взором, от которого все невольно отводили взгляд, смерил фуши с головы до ног. Су Цзиньчао, подвергшись осмотру, чувствовал крайнее негодование и пренебрежительно спросил:

— На что Вы так уставились?

«Только и ждал подобной фразы!» — в глубине души подумал Фэн Мин, хваля оппонента. — «Братец[19] Су, ты и впрямь сотрудничаешь со мной, а я боялся, что ты не спросишь. Не задай ты этот вопрос, моё представление получилось бы не столь эффектным. В истории много доказательств, когда выступления «шунанхуан»[20] были куда популярнее соло-о...».

Хоть небольшая слабость охватила как сердце, так и руки с ногами, при мысли о важном событии — выступлении на публику — к ней добавлялся страх, ведь если голос задрожит, князь выдаст себя с головой. Вот только на этот раз он постарается, приложив все усилия, дабы помочь Жун Тяню вернуть лицо[21], и, как бы то ни было, сделает всё в лучшем виде и получит праздничный красный фонарь[22]. Хо-хо, кто знает, может быть, за хорошее дело Его Светлость по возвращении обратится к Жун Тяню, прося присвоить какие-нибудь заслуги, и заодно выдвинет ма-аленькое требование — сегодня вечером побыть сверху...

При мысли об этом настроение внезапно улучшилось.

— Я уставился на Вас, — и князь показал очень обаятельную и приветливую улыбку. Однако серьёзность с лица так и не убрал, обхватывая Су Цзиньчао медленно, словно змей кольцами, и, прохладно вздохнув, неторопливо продолжил: — Вы облачены в одежду, сотканную простолюдинами, носите прекрасную яшму, которую эти самые простолюдины с огромным трудом добыли в глухих горах, обуты в сапоги, что они пошили к Вашему наряду, каждодневно пьёте вино, изготовленное простым народом, вкушаете пищу, выращенную земледельцами, и живёте в построенной простолюдинами из кирпичиков и древесины опочивальне. Помощник Су, Вы тратитесь на все вещи, созданные простым народом, без которого Вы бы не смогли жить в своём доме, не разъезжали бы в повозках, не ели бы пищу и не одевались столь хорошо...

Фэн Мин, тяжело дыша, перечислял в общих чертах горестное положение того, что утратил бы мир, не будь народа на земле, после чего закончил фразу, задав вопрос:

— Простые люди, не жалея сил, создают множество вещей ради помощника Су, который только благодаря им может коротать свои дни жизни в роскоши и комфорте. Так позвольте спросить: где же они, в конце концов, ничтожны?

Следовавший как раз после изложенных в общих чертах заслуг простого народа вопрос выпускал кровь с одного укола, принося радость от каждой пролитой капли.

Услышав слова Его Светлости, Цзы Янь в душе очень обрадовался и, подняв взгляд, посмотрел на обомлевшего Су Цзиньчао, на его ошарашенный вид. Найдя данную сцену забавной, молодой генерал, не удержавшись, слегка изогнул уголки губ. Мужественное и строгое лицо тотчас же приобрело ослепительное, словно солнечный луч, сияние.

Улыбка этого мужчины!

Хэ Ди множество раз вспоминал улыбку, которая сейчас наконец-то появилась перед глазами; властный, острый, словно волчий, взгляд, не успевший исчезнуть, упал на сидящую на согнутых коленях стройную фигуру.

Внезапно почувствовав, что на него смотрят, Цзы Янь поднял бровь и недовольно мазнул по лицу даньлиньского принца, после чего вновь, не принимая во внимание, повернулся к князю. Улыбка померкла, подобно сну, мелькнувшему на мгновение и также спешно исчезнувшему. Точно никогда её и не было.

Хэ Ди прищурил удлинённые глаза.

Этот мужчина и впрямь... соблазнительно-строптивый.

Примечания:

[1] 大街小巷 (dàjiē xiǎoxiàng) — дацзе сясян — повсюду; на каждом углу; по всему городу (букв. «улицы и переулки»).

[2] 世家 (shìjiā) — шицзя — дома (поколения) крупных феодалов (или чиновников); известный род; владетельный (родовитый) дом.

[3] 洞悉 (dúshī mínglì) — душу минли — дословно можно перевести как «изучать и понимать»; популярная идиома о тех, кто понимает суть дела.

[4] Проще сказать «обсуждал, как по накатанной».

[5] 三品 (sānpǐn) — сань цю дэн — если переводить дословно, получится «три-пять и другие ранги». Также есть синоним с более понятным объяснением: 三六九等 (sān liù jiǔ děng) — сань лю цю дэн — означающий «иерархия\социальные классы» и «слой\классовые различия\градация\классификация».

[6] В оригинале фраза звучит как «хуже собаки и свиньи», обр.: хуже некуда; сволочь.

[7] 随心所欲 (yánguáng déyì) — яняндэи — обр.: самодовольный; с самодовольным видом.

[8] Образно: книги, стихи, литературные труды.

[9] 没吃过猪肉, 没见过猪跑 (mei chi guo zhu rou, ye jian guo zhu pao) — мэй чиго чжужоу, е цзяно чжу пао — Эта идиома имеет следующее значение: хотя вы никогда лично не испытывали что-то, но вы слышали об этом, видели это, т.е. немного об этом знаете.

[10] Обр.: пожилые имеют много опыта; о немолодом, но опытном человеке.

[11] Обр. в знач.: попасть в самую точку; не в бровь, а в глаз.

[12] Су Цинь (340-284 гг. до н. э.) — политический стратег, сторонник союза царств по горизонтали (с востока на запад) или по вертикали (с севера на юг) в период Воюющих царств.

[13] Чжан И (ранее 329 до н. э. — 309 год до н. э.) — главный советник царства Цинь, дипломат.

[14] Хэ Юаньцзян называет себя 使 (shǐ) — ши — что означает посланец, посол; дипломатический представитель, посланник; отправляться с миссией (в качестве посла).

[15] Цин Ли называет Чан И 小宝贝(xiǎo bǎobèi) — сяо баобэй — можно перевести как «малышка», «детка».

[16] 奇兵制胜(qíbīng zhìshèng) — цибин чжишэн — если перевести по-иероглифно, то получится «победить силой искусства [полководца], применив необычное оружие». К этой фразе есть схожая, которая звучит 出奇制胜(chūqí zhìshèng) — чуци чжишэн — выиграть бой ловким манёвром; одержать победу неожиданной атакой; прибегать к хитрости; застать врасплох и одержать победу.

[17] 淡泊自足(dànbó zìzú) — даньбо цзыжу — означает человека, который довольствуется малым и при этом счастлив.

[18] Сама фраза звучит как «силён на вид, но слаб внутри».

[19] Фэн Мин называет Су Цзиньчао 小(xiǎogē) — сяогэ — что является вежливым обращением к подростку или молодому человеку.

[20] 唱双簧(chàng shuānghuáng) можно перевести как «подпевать друг другу»; «действовать заодно»; «быть в сговоре». Но в контексте данного предложения имеется в виду смысл «петь дуэтом». Шуанхуан — это выступление пары артистов, в котором один артист жестикулирует, а другой поёт или говорит за него.

[21] 반회이성(bānhuí yīchéng) — бань\пань хуэй и чэн — дословно можно перевести как «вернуть город», но можно и проще сказать «отыграться».

[22] Обр. в знач.: полный триумф, всесторонний успех.

<http://bllate.org/book/13377/1190248>